Константин Аркадьевич Долинин
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
kado@KD12791.spb.edu

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ЛИНГВИСТИКЕ (к истории функциональной стилистики в СССР)

1. Функциональная стилистика: место и время

Понятие функционального стиля было введено в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г. (Teze 1929 / 1970) и, как кажется, не оставило заметного следа в западноевропейской лингвистике. В советском же языкознании, начиная с 50-х годов XX века, оно приобрело неожиданную популярность и даже легло в основу чрезвычайно активной в свое время лингвистической дисциплины — функциональной стилистики. В 50–70-е годы выходят десятки, а затем и сотни статей и книг, организуются дискуссии, созываются многочисленные конференции... Большим успехом она пользовалась также в ГДР, Чехословакии, Польше — в странах «народной демократии». Это — первое, пространственное, совпадение: понятие и соответствующее научное направление оказываются четко локализованными в определенном геополитическом ареале — так называемом лагере социализма.

Второе совпадение: в конце 80-х — начале 90-х годов, после более чем тридцатилетнего процветания, функциональная стилистика постепенно сходит со сцены, и сегодня можно утверждать, что эта дисциплина, равно как и легшее в ее основу понятие, практически забыты. Иначе говоря, конец эры функциональной стилистики совпадает по времени (с небольшим отрывом) с крушением коммунистического режима.

Это двойное совпадение, пространственное и временное, не может не навести на мысль, что функциональная стилистика была определенным образом связана с господствующей идеологией и административной практикой тех времен. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы проверить эту гипотезу, попытаться хотя бы предположительно установить объективные и субъективные, внутренние и внешние фак-

торы становления, расцвета и упадка этой дисциплины. Речь здесь пойдет только о «советском изводе» функциональной стилистики и только о послевоенном периоде, без обращения к предыстории.

2. В. В. Виноградов, организатор и вдохновитель

История функциональной стилистики в СССР начинается со статьи В. В. Виноградова «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.» (Виноградов 1946). В ней содержится одно из первых советских определений функционального стиля (в дальнейшем ФС) и задач функциональной стилистики: «Стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, *стиль официально-деловой*, *стиль канцелярский*, *телеграфный* и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, *стиль торжественный*, *стиль подчеркнуто-вежливый* и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества» (там же: 225). Задачи же стилистики языка состоят в том, чтобы «выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения» (там же).

В 1946 г. В. В. Виноградову исполнился 51 год; он заведует кафедрой русского языка МГУ, только что избран академиком и вообще фигура влиятельная. Его авторитет становится непререкаемым после дискуссии по проблемам языкознания 1950 г., когда официально завершилось господство марризма и теория литературных языков, наряду со сравнительно-историческим языкознанием, вышла на авансцену. С этого года В. В. Виноградов — академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, директор Института языкознания, а с 1952 г. — главный редактор журнала «Вопросы языкознания».

И с этого же времени число публикаций по лингвистической стилистике начинает медленно, но неуклонно расти (Амосова 1951; Ризель 1952; Левин 1952; Гвоздев 1952; Виноградов 1952; Ефимов 1953; Сорокин 1953 и др.). Стилистике уделяется видное место и в редакционной статье самого первого номера «Вопросов языкознания», озаглавленной «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал “Вопросы языкознания”» (1952). Здесь среди важнейших задач отечественной лингвистики упоминается разработка проблем или, точнее, создание стилистики как лингвистической дисциплины: «Стилистика должна быть создана как самостоятельная и разветвленная отрасль языкознания, как наука о системе стилей

общенародного, национального языка, об их соотношении и взаимопроникновении, как наука о <...> соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания, о формах отношения средств выражения к выражаемому содержанию» (Задачи советского языкознания 1952: 29). О необходимости «создания стилистики национального общенародного языка» говорится и в редакционной статье «Вопросов языкознания» № 3 за тот же год (Два года движения 1952: 17).

Но рядовыми публикациями дело не ограничивается. В уже упомянутой редакционной статье самого первого номера «Вопросов языкознания» формулируется общая организационная задача: «На основе узловых теоретических вопросов необходимо развернуть дискуссии по общим и конкретным лингвистическим проблемам» (Задачи советского языкознания 1952: 14). Так вот второй по счету на страницах журнала стала дискуссия по вопросам стилистики, развернувшаяся в 1954 г. Обсуждение растянулось на год; в каждом номере было от одной до трех статей — всего 10 статей, опубликованных полностью (включая «Итоги обсуждения вопросов стилистики» самого В. В. Виноградова (1955)), плюс подробный обзор полученных, но не опубликованных материалов (в № 6 за 1954 г.). В 1955 г. В. В. Виноградов опубликовал еще две статьи по стилистике (Виноградов 1955б; 1955в). К содержательной стороне дискуссии и прочих публикаций этих лет мы еще вернемся; но, независимо от их научной ценности, трудно отделаться от впечатления, что все это было, выражаясь современным языком, рекламной кампанией, призванной ввести стилистику в исследовательский обиход.

3. Зачем это было нужно?

Чем же объяснить такое внимание к лингвистической стилистике со стороны В. В. Виноградова в эти годы, такую настойчивость в разработке и популяризации ее проблем? Ответы на этот вопрос могут быть только гипотетическими.

Во-первых, сам В. В. Виноградов давно занимался этой проблематикой — не столько, правда, лингвистической стилистикой, сколько смежной сферой — стилистикой художественной литературы. Все мы знаем, что часто руководитель научного учреждения явно или неявно, настойчиво или не очень, навязывает подчиненным свой круг интересов. Очевидно, В. В. Виноградов, будучи руководителем во всесоюзном масштабе, не сумел устоять перед этим искушением.

Во-вторых, в условиях изоляции от мировой науки и, более того, активного противостояния новейшим течениям лингвистической мысли (в частности структурализму) надо было что-то противопоставить

«идеалистической буржуазной лингвистике», найти или создать какой-то свой оригинальный продукт для поддержания престижа отечественной науки, а также, может быть, для того, чтобы занять тысячи плохо подготовленных лингвистов — преподавателей языков в вузах.

Наконец, другое любимое детище В. В. Виноградова, теория литературных языков, нуждалась для своего подкрепления в теории языковых / речевых стилей. Дело в том, что национальный литературный язык, по определению, идущему от Сталина, един. Еще в 1952 г. А. Н. Гвоздев писал о том, что одна из задач лингвистической стилистики — «охрана национального языка, раскрытие имеющихся в нем возможностей выражения мыслей и их оттенков» (Гвоздев 1952: 13). Охранять же его нужно в первую очередь от «классовых жаргонов и территориальных диалектов» (там же: 10). Объект стилистики — общенародный литературный язык, но «стилистика принимает во внимание многообразие и специфичность задач, стоящих перед языком при разных видах общения, в связи с чем из языковых богатств черпаются то одни, то другие приемы. <...> Так, в языковой системе общенародного языка вырабатываются ответвления, имеющие, при общности подавляющего большинства языковых средств, известные языковые различия, обладающие некоторыми специфическими средствами, присущими только им или употребляемыми по преимуществу в них. Такие ответвления и носят название стилей речи. Стили речи и представляют разновидности языковой системы в зависимости от целей речи и ее содержания» (там же: 13).

Примерно ту же мысль высказывает тремя годами позже сам В. В. Виноградов: «Функциональное многообразие применения литературных языков ведет к функциональным ограничениям или стилистически обоснованным — возможным или допустимым — вариациям литературно-языковой нормы. Таким образом, проблема развития и нормализации непрерывно связывается с вопросом о его «стилях» или функционально-речевых разновидностях, закрепленных за теми или иными общественными сферами его употребления» (Виноградов 1955б: 30). Учение о языковых / речевых стилях призвано было, с одной стороны, исключить из понятия национального литературного языка «территориальные диалекты и классовые жаргоны», а с другой — интегрировать в это понятие все «дозволенное» многообразие языковых употреблений и тем самым подтвердить тезис о его единстве.

4. Первоначальный вариант концепции языковых / речевых стилей

Какие же стили и на какой основе выделялись исследователями в пятидесятых годах? Одним из первых развернутую классификацию стилей предложил А. Н. Гвоздев. Согласно Гвоздеву, следует разли-

чать прежде всего стили книжные и стиль разговорный (по опосредованности / непосредственности общения и по сложности / простоте содержания речи). Среди книжных выделяется стиль научный, «основное назначение которого — давать точное систематическое изложение научных вопросов»; к нему примыкает стиль деловой (стиль законов, инструкций, уставов, деловой переписки и т. д.); затем идет стиль художественной речи, «для которой типично стремление к яркости, образности, экспрессии речи»; последним назван публицистический стиль, он же стиль агитации и пропаганды, цель которого — «убеждать массы, давать им лозунги для борьбы, организовать и вести их к победе» (Гвоздев 1952: 13–14). Все это сегодня выглядит архаично и наивно, но предложенный Гвоздевым набор ФС до самого конца почти не изменился; так в статье «Функциональный стиль», содержащейся в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», к этому перечню добавлен лишь производственно-технический стиль, а стиль художественной речи стоит под вопросом (как это, впрочем, уже и было в 50-х годах) (Мурат 1990).

Кроме этих четырех или пяти стилей, которые несколько позже, в ходе дискуссии 1954 г., будут названы функциональными, Гвоздев выделяет экспрессивные стили, различающиеся «по характеру воздействия на слушателей»: стиль торжественный, призванный «вызвать у слушателей или читателей чувства уважения, преклонения, изумления перед величием описываемых событий, подвигов, личностей», стиль официальный (холодный), стиль интимно-ласковый, стиль шутливый, который ставит своей целью «вызвать у читателей или слушателей добродушные улыбки», и, наконец, стиль насмешливый, призванный «дискредитировать, развенчать, заклеймить, предать позору» (Гвоздев 1952: 14–15).

Два года спустя, в ходе дискуссии, как наборы стилей, так и основания для их выделения останутся практически теми же (с минимальными вариациями). Все участники обсуждения, за исключением Ю. С. Сорокина (о его позиции будет сказано ниже), оперируют все тем же списком «разновидностей» или «подсистем» языка — списком, составленным чисто дедуктивно, «сверху», исходя из априорно вычлененных основных сфер языковой деятельности. И каждому стилю априорно же приписывается некая социальная функция, которая и определяет его собственно лингвистические характеристики. Иначе говоря, все предлагаемые определения имеют в качестве пресуппозиции объективное существование языковых / речевых (функциональных) стилей. Конструкты возводятся в ранг естественных объектов, поддающихся объективному описанию и исчерпывающей классификации. Недаром основной предмет спора — существование или несуществование «стиля художественной речи».

Подавляющее большинство участников дискуссии считает, что такой стиль существует. Внутренняя логика такого решения проста: раз литературное творчество — сфера человеческой деятельности (как наука, администрация, пресса), значит, оно должно обладать своим стилем. Люди имплицитно исходят из убеждения, что общность мест реализации (тексты, которые мы определяем как художественные, равно как и публицистические, научные и т. д.) влечет за собой типологическую общность, общие собственно лингвистические свойства. А если таковые не обнаруживаются, значит, их надо найти. Эта наивная философия определит на долгие годы основное направление деятельности функциональной стилистики.

5. Против течения

Ясно, что такая априористская концепция стилей языка не могла не вызвать возражений. Первым по времени ее критиком был М. М. Бахтин. В статье «Проблема речевых жанров», написанной в 1952–1953 годах, но опубликованной лишь в 1979 г., он писал: «Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Это не значит, конечно, что языковой стиль нельзя сделать предметом самостоятельного специального изучения. Такое изучение, т. е. стилистика языка как самостоятельная дисциплина, и возможно, и нужно. Но это изучение будет правильным и продуктивным лишь на основе постоянного учета жанровой природы языковых стилей и на основе предварительного изучения разновидностей речевых жанров. До сих пор стилистика языка лишена такой основы. Отсюда ее слабость. Нет общепринятой классификации языковых стилей. Авторы классификаций часто нарушают основное логическое требование классификации — единство основания. Классификации чрезвычайно бедны и недифференцированны» (Бахтин 1979: 242). На наш взгляд, главное здесь — призыв к индуктивному подходу, от конкретных речевых жанров. Но тогда этот призыв никем не был услышан — статья осталась незавершенной и неопубликованной. Впрочем, есть основания считать, что, если бы она и была опубликована, в то время это вряд ли что-нибудь изменило. Но об этом позже.

В отличие от статьи М. М. Бахтина, публикации другого критика концепции функциональных стилей, ленинградского исследователя Ю. С. Сорокина (1953; 1954) получили широкий резонанс. Именно они послужили «затравкой» для дискуссии по вопросам стилистики, в ходе которой Сорокину была отведена своеобразная роль «мальчика для битья». В июне 1953 г. Ю. С. Сорокин выступил с докладом на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (Сорокин 1953). Доклад назывался «Об основных понятиях

стилистики» и содержал резкую критику концепции В. В. Виноградова. Другому ленинградцу, Р. Г. Пиотровскому, редакция «Вопросов языкознания» предложила написать критический отзыв на этот доклад, который и был опубликован в № 1 журнала за 1954 г. (Пиотровский 1954). Во втором номере появилась статья самого Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики», представленная как переработанный текст его доклада. Здесь же редакция приглашала «всех товарищей, работающих в области стилистики», принять участие в обсуждении проблем стилистики общенародного языка. Так началась дискуссия.

Отправной точкой рассуждений Ю. С. Сорокина послужила упомянутая выше статья Виноградова (Виноградов 1946). Автор цитирует виноградовское определение стиля и задач стилистики (см. выше, с. 608) и делает вывод: за десять без малого лет задачи не выполнены; предложенные классификации и описания языковых стилей фрагментарны и противоречивы. Причину этого Ю. С. Сорокин видит в том, что задачи были неправильно поставлены: стили, определяемые как «семантически замкнутые, экспрессивно ограниченные и целесообразно организованные системы средств выражения» (Виноградов 1946: 225), должны были бы обладать собственной языковой спецификой, содержать слова, формы, конструкции, которые были бы присущи только им и не присущи другим стилям. Но такую специфику выделить не удается, ибо в таком языке, как русский, богатом и разнообразном, имеющем давнюю письменную традицию, замкнутых систем средств выражения больше нет: в любом жанре, в любой области общественной деятельности можно использовать всю гамму разнообразных возможностей, которые предоставляет нам язык (Сорокин 1954).

Таким образом, по мнению Сорокина, о стилях языка, по крайней мере применительно к современному русскому языку, говорить не приходится. «Но каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка. В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи» (Сорокин 1954: 81). Иначе говоря, стиль речи — это не разновидность языка, а свойство конкретного высказывания (текста).

Сегодня эта мысль Сорокина может показаться азбучной истиной, но тогда на него ополчились почти все участники дискуссии (см., в частности: Пиотровский 1954; Левин 1954; Гальперин 1954; Адмони, Сильман 1954)). Основной упрек, который ему адресовали, сводился к тому, что, отрицая объективное существование языковых стилей, он тем самым ставит под сомнение само существование лингвистической стилистики как автономной дисциплины, — упрек скорее ведомственный, чем чисто научный.

6. Итоговая статья В. В. Виноградова: новые дефиниции

Дискуссия закончилась итоговой статьей В. В. Виноградова (1955а) — как обычно, огромной, рыхлой по композиции, из которой мы затронем лишь две темы. Одна из них — это гипотетическое существование так называемых экспрессивных стилей: торжественного, официального, шутливого, насмешливого и т. п., о которых писал А. Н. Гвоздев (см. выше, с. 611) и вскользь упомянул сам Виноградов в статье 1946 г. В ходе дискуссии эту идею решительно поддержал В. Д. Левин (что было связано с его концепцией стилей языка как абстрактных совокупностей единиц, обладающих идентичной стилистической окраской (Левин 1954)). Однако Виноградов решительно пресек эту «ересь»: «Классификация стилей по экспрессивным качествам лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина “стиль языка” на разновидности экспрессивной окраски речи» (Виноградов 1955а: 69). Так экспрессивные стили были упразднены, как упраздняют какое-то ставшее ненужным ведомство; остались лишь функциональные.

Вторая тема, пожалуй самая важная в статье, — статус стилей языка / речи по отношению к соссюровской дихотомии langue vs. parole: научный, административный, публицистический и прочие стили суть феномены языковые или речевые? Или, может быть, надо различать языковые и речевые стили как разные понятия? Большинство участников дискуссии как будто не замечали проблемы и употребляли эти выражения как синонимы.

По мнению В. В. Виноградова, смешение не допустимо. Стили языка надо представлять себе как «устойчивые, более или менее замкнутые <…> стилистические системы, включающие в себя совокупность слов, форм и конструкций, а иногда и звуков одной и той же окраски или стилистической “тональности”» (там же: 68); как «разновидности языка, как “частные” системы внутри “общей” системы языка» (там же: 71). Стили же речи суть «целесообразные способы отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи» (там же: 82). И тут же, говоря о русском языке послепушкинской эпохи, В. В. Виноградов делает сенсационное заявление, отчасти повторяющее мысль Сорокина и отменяющее прежние виноградовские формулировки: «Вместо трех *стилей языка* постепенно складывается функциональное многообразие разных *стилей речи*. Прежде такого рода частные функционально-речевые стили могли развиваться и вращаться только в границах каждого из трех общих “стилей языка” <…> в пушкинскую же и послепушкинскую пору

стили речи получают обобщенное значение и создаются, развиваются на базе единой общенациональной языковой системы» (там же: 81–82).

Из этого однозначно вытекает, что в 1955 г. В. В. Виноградов рассматривает функциональные стили как стили речи. Но в другом определении, данном в той же статье и ставшем на долгие годы классическим, об этом почему-то ни слова не говорится[1]: «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой» (там же: 73).

Мысль о том, что ФС надо рассматривать как стили речи, а не как стили языка, лучше согласуется с концепцией общенационального литературного языка, ибо подчеркивает его единство. Для Виноградова, надо думать, в ту пору это было важно. Новая концепция функциональных стилей как будто снимает и основное возражение Сорокина: ФС как стили речи, т. е. фактически как нормы построения текстов, не обязаны обладать собственно лингвистической спецификой, не обязаны содержать элементы, не присущие другим стилям.

7. Критика виноградовской концепции 1955 г.

Но и эта концепция, представляющаяся на первый взгляд более реалистичной, чем прежняя, на самом деле не снимает противоречий и не решает коренных проблем, ибо она тоже исходит из объективного существования функциональных стилей. Согласно приведенной выше формулировке Виноградова, стиль есть «*общественно осознанная* (курсив мой. — *К. Д.*) и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств языкового общения» (Виноградов 1955а: 73). Осознанная — кем? Рядовыми носителями языка? Нет, на самом деле каждая такая совокупность, т. е. стиль, осознавалась как автономное образование, противопоставляющееся другим, в первую очередь — если не исключительно — лингвистами — адептами функциональной стилистики. Потому что рядовой носитель языка, собирающийся произвести некий текст, не квалифицирует его в терминах функциональных стилей, не говорит себе: «Я сейчас произведу научный, публицистический или административный текст»; он, как правило, пользуется общеприня-

[1] По мнению Д. Н. Шмелева, это упущение в дальнейшем породило ряд кривотолков (Шмелев 1977: 51).

тыми названиями речевых жанров: статья, рецензия, доклад, проект постановления заседания кафедры, лирическое стихотворение, письмо жене и т. п.

Стиль — «*внутренне объединенная* (курсив мой. — *К. Д.*) совокупность приемов употребления, отбора и сочетания» средств выражения? Но о каком единстве приемов отбора и употребления может идти речь применительно, скажем, к аналитической статье о тенденциях нефтяного рынка и к светской хронике, опубликованных в одном и том же номере газеты? Что общего у них, кроме места публикации? Нельзя не признать: все «большие» функциональные стили, постулированные до, во время и после дискуссии, распадаются на множество речевых жанров, различных по тематике, по целевым установкам, по типам речи (повествование, рассуждение, описание...), по композиции и, естественно, по стилю, понимаемому в духе Бахтина или Сорокина, — как результат отбора языковых средств, осуществленного в данном высказывании (тексте). Функциональные стили, как бы мы их ни квалифицировали (как языковые или как речевые), не суть естественные объекты, имеющие независимое эмпирическое существование, а конструкты, объем и содержание которых зависят от точки зрения исследователя. Но тогда, в пятидесятых годах, это осознавали немногие, а большинство безоговорочно приняло концепцию Виноградова.

Начиная со второй половины 50-х годов, стилистика становится модной дисциплиной. Множатся публикации по функциональным стилям, авторы которых пытаются продемонстрировать, как априорно сформулированные функции и свойства того или иного ФС (чаще всего научного) отражаются в употреблении чего угодно — союзов, причастных оборотов, сложных предложений, глагольных времен и т. д. и т. п. С некоторым запозданием вводятся курсы стилистики на филологических факультетах, пишутся учебники для вузов, в том числе по стилистике английского, немецкого, французского языков, причем наборы и характеристики функциональных стилей в них, как правило, повторяют те, что были сформулированы для русского языка. И так продолжается в течение по меньшей мере двух десятков лет.

8. Новый поворот

Между тем в 1963 г. концепция В. В. Виноградова существенно меняется, о чем свидетельствует его новая монография «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (Виноградов 1963). Основное внимание в этой книге уделяется теории поэтической речи; однако в части, посвященной собственно стилистике, появляются новые формулиров-

ки, коренным образом расходящиеся с теми, что фигурируют в статье 1955 г. Большие, традиционно выделяемые ФС вновь объявлены стилями языка: «Стилистика языка <...> изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка, характеризующихся комплексом типичных признаков. Эти стили обычно называются функциональными, например, разговорный, противопоставленный книжному вообще и отграниченный от других стилей языка коммуникативно-бытовой функцией, поэтому в этой сфере иногда выделяются обиходно-бытовой и обиходно-деловой стили; научно-деловой, специальный, определяющийся своеобразными свойствами и принадлежностями научно-коммуникативной функции; газетно- или журнально-публицистический, выделяющийся по характерным качествам и приметам агитационно-коммуникативной функции; официально-канцелярский или официально-документальный и некоторые другие (например, парадно-риторический, художественно-изобразительный)» (там же: 5).

При этом своя же более ранняя точка зрения вообще не упоминается и не приводится никаких соображений, которые побудили автора изменить позицию — провозглашается как бы истина, данная свыше. Казалось бы, стили речи, стили языка — так ли уж это важно, коль скоро речь идет все о тех же абстрактных, априорно постулируемых сущностях? Однако в новой версии учения есть кое-что действительно новое: «большим» стилям языка Виноградов противопоставляет стили речи, которые определяются на этот раз как «некие композиционные системы в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи» (там же: 14). А если судить по примерам, стили речи по этой новой версии — не что иное, как речевые жанры в духе Бахтина: юбилейное приветствие, передовая статья, научная рецензия и т. д.[2]

Итак, на авансцену выдвигаются речевые жанры («стили речи»), а стили языка интересны в первую очередь с точки зрения того, как они объединяются и сочетаются в пределах одного и того же «композиционного типа речи», т. е. речевого жанра (там же: 16). И тут-то в первый раз широкие массы стилистов не пошли за лидером; идея речевых жанров как первоочередного объекта исследования дошла до сознания лингвистов, интересующихся реальным функционированием языка в обществе, лишь тридцать лет спустя, в 90-х годах.

Почему?

Идею «больших» функциональных стилей столько раз повторяли, столько вбивали в головы студентам, она настолько укоренилась в сознании большинства, что и после публикации новой версии учения

[2] При этом В. В. Виноградов ссылается на проспект «Русский язык и советское общество», вышедший годом раньше (1962).

Виноградова люди продолжали цепляться за предыдущую, т. е. за определение 1955 года, подхваченное и переформулированное десятками, если не сотнями, эпигонов, но по сути не изменившееся.

Были, однако, надо полагать, и более веские и глубокие причины. В 50–70-х годах во всех сколько-нибудь значимых и институционализированных сферах общественной деятельности речевые практики были поразительно единообразны, имплицитно, а то и эксплицитно кодифицированы. Все, что отклонялось от стандарта, было подозрительно, «нетипично» и, следовательно, не заслуживало внимания. В 1985 г. П. Серио писал, что русский литературный язык — это нормы поведения определенной социальной группы, так называемых «носителей современного русского литературного языка» (Sériot 1985: 11). Но ведь функциональная стилистика и провозглашала себя стилистикой современного русского литературного языка, т. е. определенного т и п а д и с к у р с а — того, что, по выражению Пеше, «могло и должно быть сказано» (цит. по: Sériot 1985: 12). Функциональная стилистика была д и с к у р с о м о д и с к у р с е, метадискурсом, призванным оправдать и обосновать русский литературный язык как норму или, точнее, как совокупность норм лояльного языкового поведения, выдавая нормы этого дискурса за законы языка.

И здесь напрашивается аналогия, которая может показаться неожиданной, — аналогия между функциональной стилистикой и социалистическим реализмом. Как известно, последний должен был изображать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть. Аналогичным образом функциональная стилистика должна была представлять идеализированный образ языкового поведения лояльных советских граждан (ср.: Романенко, Санджи-Гаряева 2002: 66).

С несколько иной точки зрения сказанное выше можно сформулировать иначе. Функциональная стилистика — проявление столь типичного для советской эпохи н о м е н к л а т у р н о г о м ы ш л е н и я, согласно которому во всех сферах общественной деятельности все должно быть жестко регламентировано и представлено в виде высочайше утвержденных стабильных и непересекающихся списков — перечней министерств и ведомств, отраслей экономики и науки, специальностей, чинов и рангов, разрядов, родов искусства, языков, диалектов и т. д. и т. п. Недаром с самого начала первой задачей стилистики провозглашалось выделение стилей, у с т а н о в л е н и е с п и с к а. Таким образом, функциональная стилистика представляла собой попытку подвести теоретическую базу под эту установку в сфере речевой деятельности, выдать декретированное сверху за естественное, объективно существующее, единственно целесообразное.

Сознательной подтасовки с чьей бы то ни было стороны, видимо, не было: было наивное убеждение, что так и должно быть, что установленное по наитию непререкаемыми авторитетами и закрепленное

традицией отражает то, что есть на самом деле. Тем более, что отмеченное выше единообразие официально признанных речевых практик в советскую эпоху как будто подтверждало господствующий взгляд.

В свете всего сказанного должно быть ясно, почему в 90-х годах функциональная стилистика фактически прекратила свое существование. Во-первых, публичная речевая деятельность стала бесконечно разнообразнее — кому сегодня пришло бы в голову постулировать единый газетно-публицистический стиль? Во-вторых, окончательно ушла в прошлое изоляция отечественной лингвистики от западной науки. Но главное, может быть, в том, что люди внутренне раскрепостились, отрешились от номенклатурного мышления, научились (или, по крайней мере, учатся) подходить к проблемам непредвзято и пересматривать устаревшие догмы.

Литература

Адмони, Сильман 1954 — *Адмони В. Г., Сильман Т. И.* Отбор языковых средств и вопросы стиля // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 93–100.

Амосова 1951 — *Амосова Н. Н.* К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка // Вестник Ленингр. ун-та. 1951. № 5. С 32–44.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 250–296.

Виноградов 1946 — *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Известия АН. Отд-ние лит. и яз. М., 1946. Т. 5. Вып. 3. С. 223–238.

Виноградов 1952 — *Виноградов В. В.* [рецензия] Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952 // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 136–143.

Виноградов 1955а — *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

Виноградов 1955б — *Виноградов В. В.* О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) // Известия АН. Отд-ние лит. и яз. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 305–320.

Виноградов 1955в — *Виноградов В. В.* Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 3–34.

Виноградов 1963 — *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гальперин 1954 — *Гальперин И. Р.* Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 76–86.

Гвоздев 1952 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.

Два года движения 1952 — Два года движения советского языкознания по новому пути [редакционная статья] // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 3–18.

Ефимов 1953 — *Ефимов А. И.* Некоторые вопросы развития русского литературного языка XIX — начала XX в. // Вопросы языкознания. 1953. № 4. С. 22–42.

Задачи советского языкознания 1952 — Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» [редакционная статья] // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 3–40.

Левин 1952 — *Левин В. Д.* Вопросы языка художественных произведений // Открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное второй годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания 18–21 июня 1952 г.: Тез. докл. М.: АН СССР, 1952. С. 49–56.

Левин 1954 — *Левин В. Д.* О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 74–83.

Мурат 1990 — *Мурат В. П.* Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 567–568.

Пиотровский 1954 — *Пиотровский Р. Г.* О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 55–68.

Ризель 1952 — *Ризель Э. Г.* Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // Иностранные языки в школе. 1952. № 2. С. 12–21.

Романенко, Санджи-Гаряева 2002 — *Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С.* Общефилологические основания советской жанровой системы // Жанры речи. Вып. 3 / Редколлегия: Е. В. Гольдин (отв. ред.) и др. Саратов: Изд-во гос. учебно-научного центра «Колледж», 2002. С. 62–74.

Русский язык 1962 — Русский язык и советское общество: Проспект (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературного языка народов СССР в советскую эпоху) / Отв. ред. акад. АН Казахской ССР С. Р. Кенесбаев. АН СССР, Институт русского языка. Алма-Ата. Изд-во АН Казахской ССР, 1962.

Сорокин 1953 — *Сорокин Ю. С.* Об основных понятиях стилистики // Открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания 19–23 июня 1953 г.: Тез. докл. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–16.

Сорокин 1954 — *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.

Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.

Sériot 1985 — *Sériot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985.

Teze 1929/1970 — Teze předložené k prvému sjezdu slovanských filologů v Praze 1929 // U základu Pražské jazykovědné školy: Prameny české a slovenské lingvistyky. Řada česká — svazek 1 / Věd. red. akad. B. Havránek; K vydání připravil prof. dr. J. Vachek, DrSc. Praha: Academia, 1970. S. 35–65.

6. Итоговая статья В. В. Виноградова: новые дефиниции

Дискуссия закончилась итоговой статьей В. В. Виноградова (1955а) — как обычно, огромной, рыхлой по композиции, из которой мы затронем лишь две темы. Одна из них — это гипотетическое существование так называемых экспрессивных стилей: торжественного, официального, шутливого, насмешливого и т. п., о которых писал А. Н. Гвоздев (см. выше, с. 611) и вскользь упомянул сам Виноградов в статье 1946 г. В ходе дискуссии эту идею решительно поддержал В. Д. Левин (что было связано с его концепцией стилей языка как абстрактных совокупностей единиц, обладающих идентичной стилистической окраской (Левин 1954)). Однако Виноградов решительно пресек эту «ересь»: «Классификация стилей по экспрессивным качествам лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина "стиль языка" на разновидности экспрессивной окраски речи» (Виноградов 1955а: 69). Так экспрессивные стили были упразднены, как упраздняют какое-то ставшее ненужным ведомство; остались лишь функциональные.

Вторая тема, пожалуй самая важная в статье, — статус стилей языка / речи по отношению к соссюровской дихотомии langue vs. parole: научный, административный, публицистический и прочие стили суть феномены языковые или речевые? Или, может быть, надо различать языковые и речевые стили как разные понятия? Большинство участников дискуссии как будто не замечали проблемы и употребляли эти выражения как синонимы.

По мнению В. В. Виноградова, смешение не допустимо. Стили языка надо представлять себе как «устойчивые, более или менее замкнутые <...> стилистические системы, включающие в себя совокупность слов, форм и конструкций, а иногда и звуков одной и той же окраски или стилистической "тональности"» (там же: 68); как «разновидности языка, как "частные" системы внутри "общей" системы языка» (там же: 71). Стили же речи суть «целесообразные способы отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи» (там же: 82). И тут же, говоря о русском языке послепушкинской эпохи, В. В. Виноградов делает сенсационное заявление, отчасти повторяющее мысль Сорокина и отменяющее прежние виноградовские формулировки: «Вместо трех *стилей языка* постепенно складывается функциональное многообразие разных *стилей речи*. Прежде такого рода частные функционально-речевые стили могли развиваться и вращаться только в границах каждого из трех общих "стилей языка" <...> в пушкинскую же и послепушкинскую пору

Константин Аркадьевич Долинин
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
kado@KD12791.spb.edu

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ЛИНГВИСТИКЕ (к истории функциональной стилистики в СССР)

1. Функциональная стилистика: место и время

Понятие функционального стиля было введено в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г. (Teze 1929 / 1970) и, как кажется, не оставило заметного следа в западноевропейской лингвистике. В советском же языкознании, начиная с 50-х годов XX века, оно приобрело неожиданную популярность и даже легло в основу чрезвычайно активной в свое время лингвистической дисциплины — функциональной стилистики. В 50–70-е годы выходят десятки, а затем и сотни статей и книг, организуются дискуссии, созываются многочисленные конференции... Большим успехом она пользовалась также в ГДР, Чехословакии, Польше — в странах «народной демократии». Это — первое, пространственное, совпадение: понятие и соответствующее научное направление оказываются четко локализованными в определенном геополитическом ареале — так называемом лагере социализма.

Второе совпадение: в конце 80-х — начале 90-х годов, после более чем тридцатилетнего процветания, функциональная стилистика постепенно сходит со сцены, и сегодня можно утверждать, что эта дисциплина, равно как и легшее в ее основу понятие, практически забыты. Иначе говоря, конец эры функциональной стилистики совпадает по времени (с небольшим отрывом) с крушением коммунистического режима.

Это двойное совпадение, пространственное и временное, не может не навести на мысль, что функциональная стилистика была определенным образом связана с господствующей идеологией и административной практикой тех времен. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы проверить эту гипотезу, попытаться хотя бы предположительно установить объективные и субъективные, внутренние и внешние фак-

торы становления, расцвета и упадка этой дисциплины. Речь здесь пойдет только о «советском изводе» функциональной стилистики и только о послевоенном периоде, без обращения к предыстории.

2. В. В. Виноградов, организатор и вдохновитель

История функциональной стилистики в СССР начинается со статьи В. В. Виноградова «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.» (Виноградов 1946). В ней содержится одно из первых советских определений функционального стиля (в дальнейшем ФС) и задач функциональной стилистики: «Стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, *стиль официально-деловой*, *стиль канцелярский*, *телеграфный* и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, *стиль торжественный*, *стиль подчеркнуто-вежливый* и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества» (там же: 225). Задачи же стилистики языка состоят в том, чтобы «выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения» (там же).

В 1946 г. В. В. Виноградову исполнился 51 год; он заведует кафедрой русского языка МГУ, только что избран академиком и вообще фигура влиятельная. Его авторитет становится непререкаемым после дискуссии по проблемам языкознания 1950 г., когда официально завершилось господство марризма и теория литературных языков, наряду со сравнительно-историческим языкознанием, вышла на авансцену. С этого года В. В. Виноградов — академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, директор Института языкознания, а с 1952 г. — главный редактор журнала «Вопросы языкознания».

И с этого же времени число публикаций по лингвистической стилистике начинает медленно, но неуклонно расти (Амосова 1951; Ризель 1952; Левин 1952; Гвоздев 1952; Виноградов 1952; Ефимов 1953; Сорокин 1953 и др.). Стилистике уделяется видное место и в редакционной статье самого первого номера «Вопросов языкознания», озаглавленной «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал “Вопросы языкознания”» (1952). Здесь среди важнейших задач отечественной лингвистики упоминается разработка проблем или, точнее, создание стилистики как лингвистической дисциплины: «Стилистика должна быть создана как самостоятельная и разветвленная отрасль языкознания, как наука о системе стилей

общенародного, национального языка, об их соотношении и взаимопроникновении, как наука о <...> соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания, о формах отношения средств выражения к выражаемому содержанию» (Задачи советского языкознания 1952: 29). О необходимости «создания стилистики национального общенародного языка» говорится и в редакционной статье «Вопросов языкознания» № 3 за тот же год (Два года движения 1952: 17).

Но рядовыми публикациями дело не ограничивается. В уже упомянутой редакционной статье самого первого номера «Вопросов языкознания» формулируется общая организационная задача: «На основе узловых теоретических вопросов необходимо развернуть дискуссии по общим и конкретным лингвистическим проблемам» (Задачи советского языкознания 1952: 14). Так вот второй по счету на страницах журнала стала дискуссия по вопросам стилистики, развернувшаяся в 1954 г. Обсуждение растянулось на год; в каждом номере было от одной до трех статей — всего 10 статей, опубликованных полностью (включая «Итоги обсуждения вопросов стилистики» самого В. В. Виноградова (1955)), плюс подробный обзор полученных, но не опубликованных материалов (в № 6 за 1954 г.). В 1955 г. В. В. Виноградов опубликовал еще две статьи по стилистике (Виноградов 1955б; 1955в). К содержательной стороне дискуссии и прочих публикаций этих лет мы еще вернемся; но, независимо от их научной ценности, трудно отделаться от впечатления, что все это было, выражаясь современным языком, рекламной кампанией, призванной ввести стилистику в исследовательский обиход.

3. Зачем это было нужно?

Чем же объяснить такое внимание к лингвистической стилистике со стороны В. В. Виноградова в эти годы, такую настойчивость в разработке и популяризации ее проблем? Ответы на этот вопрос могут быть только гипотетическими.

Во-первых, сам В. В. Виноградов давно занимался этой проблематикой — не столько, правда, лингвистической стилистикой, сколько смежной сферой — стилистикой художественной литературы. Все мы знаем, что часто руководитель научного учреждения явно или неявно, настойчиво или не очень, навязывает подчиненным свой круг интересов. Очевидно, В. В. Виноградов, будучи руководителем во всесоюзном масштабе, не сумел устоять перед этим искушением.

Во-вторых, в условиях изоляции от мировой науки и, более того, активного противостояния новейшим течениям лингвистической мысли (в частности структурализму), надо было что-то противопоставить

«идеалистической буржуазной лингвистике», найти или создать какой-то свой оригинальный продукт для поддержания престижа отечественной науки, а также, может быть, для того, чтобы занять тысячи плохо подготовленных лингвистов — преподавателей языков в вузах.

Наконец, другое любимое детище В. В. Виноградова, теория литературных языков, нуждалась для своего подкрепления в теории языковых / речевых стилей. Дело в том, что национальный литературный язык, по определению, идущему от Сталина, един. Еще в 1952 г. А. Н. Гвоздев писал о том, что одна из задач лингвистической стилистики — «охрана национального языка, раскрытие имеющихся в нем возможностей выражения мыслей и их оттенков» (Гвоздев 1952: 13). Охранять же его нужно в первую очередь от «классовых жаргонов и территориальных диалектов» (там же: 10). Объект стилистики — общенародный литературный язык, но «стилистика принимает во внимание многообразие и специфичность задач, стоящих перед языком при разных видах общения, в связи с чем из языковых богатств черпаются то одни, то другие приемы. <...> Так, в языковой системе общенародного языка вырабатываются ответвления, имеющие, при общности подавляющего большинства языковых средств, известные языковые различия, обладающие некоторыми специфическими средствами, присущими только им или употребляемыми по преимуществу в них. Такие ответвления и носят название стилей речи. Стили речи и представляют разновидности языковой системы в зависимости от целей речи и ее содержания» (там же: 13).

Примерно ту же мысль высказывает тремя годами позже сам В. В. Виноградов: «Функциональное многообразие применения литературных языков ведет к функциональным ограничениям или стилистически обоснованным — возможным или допустимым — вариациям литературно-языковой нормы. Таким образом, проблема развития и нормализации непрерывно связывается с вопросом о его «стилях» или функционально-речевых разновидностях, закрепленных за теми или иными общественными сферами его употребления» (Виноградов 1955б: 30). Учение о языковых / речевых стилях призвано было, с одной стороны, исключить из понятия национального литературного языка «территориальные диалекты и классовые жаргоны», а с другой — интегрировать в это понятие все «дозволенное» многообразие языковых употреблений и тем самым подтвердить тезис о его единстве.

4. Первоначальный вариант концепции языковых / речевых стилей

Какие же стили и на какой основе выделялись исследователями в пятидесятых годах? Одним из первых развернутую классификацию стилей предложил А. Н. Гвоздев. Согласно Гвоздеву, следует разли-

чать прежде всего стили книжные и стиль разговорный (по опосредованности / непосредственности общения и по сложности / простоте содержания речи). Среди книжных выделяется стиль научный, «основное назначение которого — давать точное систематическое изложение научных вопросов»; к нему примыкает стиль деловой (стиль законов, инструкций, уставов, деловой переписки и т. д.); затем идет стиль художественной речи, «для которой типично стремление к яркости, образности, экспрессии речи»; последним назван публицистический стиль, он же стиль агитации и пропаганды, цель которого — «убеждать массы, давать им лозунги для борьбы, организовать и вести их к победе» (Гвоздев 1952: 13–14). Все это сегодня выглядит архаично и наивно, но предложенный Гвоздевым набор ФС до самого конца почти не изменился; так в статье «Функциональный стиль», содержащейся в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», к этому перечню добавлен лишь производственно-технический стиль, а стиль художественной речи стоит под вопросом (как это, впрочем, уже и было в 50-х годах) (Мурат 1990).

Кроме этих четырех или пяти стилей, которые несколько позже, в ходе дискуссии 1954 г., будут названы функциональными, Гвоздев выделяет экспрессивные стили, различающиеся «по характеру воздействия на слушателей»: стиль торжественный, призванный «вызвать у слушателей или читателей чувства уважения, преклонения, изумления перед величием описываемых событий, подвигов, личностей», стиль официальный (холодный), стиль интимно-ласковый, стиль шутливый, который ставит своей целью «вызвать у читателей или слушателей добродушные улыбки», и, наконец, стиль насмешливый, призванный «дискредитировать, развенчать, заклеймить, предать позору» (Гвоздев 1952: 14–15).

Два года спустя, в ходе дискуссии, как наборы стилей, так и основания для их выделения останутся практически теми же (с минимальными вариациями). Все участники обсуждения, за исключением Ю. С. Сорокина (о его позиции будет сказано ниже), оперируют все тем же списком «разновидностей» или «подсистем» языка — списком, составленным чисто дедуктивно, «сверху», исходя из априорно вычлененных основных сфер языковой деятельности. И каждому стилю априорно же приписывается некая социальная функция, которая и определяет его собственно лингвистические характеристики. Иначе говоря, все предлагаемые определения имеют в качестве пресуппозиции объективное существование языковых / речевых (функциональных) стилей. Конструкты возводятся в ранг естественных объектов, поддающихся объективному описанию и исчерпывающей классификации. Недаром основной предмет спора — существование или несуществование «стиля художественной речи».

Подавляющее большинство участников дискуссии считает, что такой стиль существует. Внутренняя логика такого решения проста: раз литературное творчество — сфера человеческой деятельности (как наука, администрация, пресса), значит, оно должно обладать своим стилем. Люди имплицитно исходят из убеждения, что общность мест реализации (тексты, которые мы определяем как художественные, равно как и публицистические, научные и т. д.) влечет за собой типологическую общность, общие собственно лингвистические свойства. А если таковые не обнаруживаются, значит, их надо найти. Эта наивная философия определит на долгие годы основное направление деятельности функциональной стилистики.

5. Против течения

Ясно, что такая априористская концепция стилей языка не могла не вызвать возражений. Первым по времени ее критиком был М. М. Бахтин. В статье «Проблема речевых жанров», написанной в 1952–1953 годах, но опубликованной лишь в 1979 г., он писал: «Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Это не значит, конечно, что языковой стиль нельзя сделать предметом самостоятельного специального изучения. Такое изучение, т. е. стилистика языка как самостоятельная дисциплина, и возможно, и нужно. Но это изучение будет правильным и продуктивным лишь на основе постоянного учета жанровой природы языковых стилей и на основе предварительного изучения разновидностей речевых жанров. До сих пор стилистика языка лишена такой основы. Отсюда ее слабость. Нет общепринятой классификации языковых стилей. Авторы классификаций часто нарушают основное логическое требование классификации — единство основания. Классификации чрезвычайно бедны и недифференцированны» (Бахтин 1979: 242). На наш взгляд, главное здесь — призыв к индуктивному подходу, от конкретных речевых жанров. Но тогда этот призыв никем не был услышан — статья осталась незавершенной и неопубликованной. Впрочем, есть основания считать, что, если бы она и была опубликована, в то время это вряд ли что-нибудь изменило. Но об этом позже.

В отличие от статьи М. М. Бахтина, публикации другого критика концепции функциональных стилей, ленинградского исследователя Ю. С. Сорокина (1953; 1954) получили широкий резонанс. Именно они послужили «затравкой» для дискуссии по вопросам стилистики, в ходе которой Сорокину была отведена своеобразная роль «мальчика для битья». В июне 1953 г. Ю. С. Сорокин выступил с докладом на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (Сорокин 1953). Доклад назывался «Об основных понятиях

стилистики» и содержал резкую критику концепции В. В. Виноградова. Другому ленинградцу, Р. Г. Пиотровскому, редакция «Вопросов языкознания» предложила написать критический отзыв на этот доклад, который и был опубликован в № 1 журнала за 1954 г. (Пиотровский 1954). Во втором номере появилась статья самого Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики», представленная как переработанный текст его доклада. Здесь же редакция приглашала «всех товарищей, работающих в области стилистики», принять участие в обсуждении проблем стилистики общенародного языка. Так началась дискуссия.

Отправной точкой рассуждений Ю. С. Сорокина послужила упомянутая выше статья Виноградова (Виноградов 1946). Автор цитирует виноградовское определение стиля и задач стилистики (см. выше, с. 608) и делает вывод: за десять без малого лет задачи не выполнены; предложенные классификации и описания языковых стилей фрагментарны и противоречивы. Причину этого Ю. С. Сорокин видит в том, что задачи были неправильно поставлены: стили, определяемые как «семантически замкнутые, экспрессивно ограниченные и целесообразно организованные системы средств выражения» (Виноградов 1946: 225), должны были бы обладать собственной языковой спецификой, содержать слова, формы, конструкции, которые были бы присущи только им и не присущи другим стилям. Но такую специфику выделить не удается, ибо в таком языке, как русский, богатом и разнообразном, имеющем давнюю письменную традицию, замкнутых систем средств выражения больше нет: в любом жанре, в любой области общественной деятельности можно использовать всю гамму разнообразных возможностей, которые предоставляет нам язык (Сорокин 1954).

Таким образом, по мнению Сорокина, о стилях языка, по крайней мере применительно к современному русскому языку, говорить не приходится. «Но каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка. В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи» (Сорокин 1954: 81). Иначе говоря, стиль речи — это не разновидность языка, а свойство конкретного высказывания (текста).

Сегодня эта мысль Сорокина может показаться азбучной истиной, но тогда на него ополчились почти все участники дискуссии (см., в частности: Пиотровский 1954; Левин 1954; Гальперин 1954; Адмони, Сильман 1954)). Основной упрек, который ему адресовали, сводился к тому, что, отрицая объективное существование языковых стилей, он тем самым ставит под сомнение само существование лингвистической стилистики как автономной дисциплины, — упрек скорее ведомственный, чем чисто научный.

6. Итоговая статья В. В. Виноградова: новые дефиниции

Дискуссия закончилась итоговой статьей В. В. Виноградова (1955а) — как обычно, огромной, рыхлой по композиции, из которой мы затронем лишь две темы. Одна из них — это гипотетическое существование так называемых экспрессивных стилей: торжественного, официального, шутливого, насмешливого и т. п., о которых писал А. Н. Гвоздев (см. выше, с. 611) и вскользь упомянул сам Виноградов в статье 1946 г. В ходе дискуссии эту идею решительно поддержал В. Д. Левин (что было связано с его концепцией стилей языка как абстрактных совокупностей единиц, обладающих идентичной стилистической окраской (Левин 1954)). Однако Виноградов решительно пресек эту «ересь»: «Классификация стилей по экспрессивным качествам лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина "стиль языка" на разновидности экспрессивной окраски речи» (Виноградов 1955а: 69). Так экспрессивные стили были упразднены, как упраздняют какое-то ставшее ненужным ведомство; остались лишь функциональные.

Вторая тема, пожалуй самая важная в статье, — статус стилей языка / речи по отношению к соссюровской дихотомии langue vs. parole: научный, административный, публицистический и прочие стили суть феномены я з ы к о в ы е или р е ч е в ы е? Или, может быть, надо различать языковые и речевые стили как разные понятия? Большинство участников дискуссии как будто не замечали проблемы и употребляли эти выражения как синонимы.

По мнению В. В. Виноградова, смешение не допустимо. Стили языка надо представлять себе как «устойчивые, более или менее замкнутые <...> стилистические системы, включающие в себя совокупность слов, форм и конструкций, а иногда и звуков одной и той же окраски или стилистической "тональности"» (там же: 68); как «разновидности языка, как "частные" системы внутри "общей" системы языка» (там же: 71). Стили же речи суть «целесообразные способы отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи» (там же: 82). И тут же, говоря о русском языке послепушкинской эпохи, В. В. Виноградов делает сенсационное заявление, отчасти повторяющее мысль Сорокина и отменяющее прежние виноградовские формулировки: «Вместо трех *стилей языка* постепенно складывается функциональное многообразие разных *стилей речи*. Прежде такого рода частные функционально-речевые стили могли развиваться и вращаться только в границах каждого из трех общих "стилей языка" <...> в пушкинскую же и послепушкинскую пору

стили речи получают обобщенное значение и создаются, развиваются на базе единой общенациональной языковой системы» (там же: 81–82).

Из этого однозначно вытекает, что в 1955 г. В. В. Виноградов рассматривает функциональные стили как стили речи. Но в другом определении, данном в той же статье и ставшем на долгие годы классическим, об этом почему-то ни слова не говорится[1]: «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой» (там же: 73).

Мысль о том, что ФС надо рассматривать как стили речи, а не как стили языка, лучше согласуется с концепцией общенационального литературного языка, ибо подчеркивает его единство. Для Виноградова, надо думать, в ту пору это было важно. Новая концепция функциональных стилей как будто снимает и основное возражение Сорокина: ФС как стили речи, т. е. фактически как нормы построения текстов, не обязаны обладать собственно лингвистической спецификой, не обязаны содержать элементы, не присущие другим стилям.

7. Критика виноградовской концепции 1955 г.

Но и эта концепция, представляющаяся на первый взгляд более реалистичной, чем прежняя, на самом деле не снимает противоречий и не решает коренных проблем, ибо она тоже исходит из объективного существования функциональных стилей. Согласно приведенной выше формулировке Виноградова, стиль есть «*общественно осознанная* (курсив мой. — *К. Д.*) и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств языкового общения» (Виноградов 1955а: 73). Осознанная — кем? Рядовыми носителями языка? Нет, на самом деле каждая такая совокупность, т. е. стиль, осознавалась как автономное образование, противопоставляющееся другим, в первую очередь — если не исключительно — лингвистами — адептами функциональной стилистики. Потому что рядовой носитель языка, собирающийся произвести некий текст, не квалифицирует его в терминах функциональных стилей, не говорит себе: «Я сейчас произведу научный, публицистический или административный текст»; он, как правило, пользуется общеприня-

[1] По мнению Д. Н. Шмелева, это упущение в дальнейшем породило ряд кривотолков (Шмелев 1977: 51).

тыми названиями речевых жанров: статья, рецензия, доклад, проект постановления заседания кафедры, лирическое стихотворение, письмо жене и т. п.

Стиль — «*внутренне объединенная* (курсив мой. — *К. Д.*) совокупность приемов употребления, отбора и сочетания» средств выражения? Но о каком единстве приемов отбора и употребления может идти речь применительно, скажем, к аналитической статье о тенденциях нефтяного рынка и к светской хронике, опубликованных в одном и том же номере газеты? Что общего у них, кроме места публикации? Нельзя не признать: все «большие» функциональные стили, постулированные до, во время и после дискуссии, распадаются на множество речевых жанров, различных по тематике, по целевым установкам, по типам речи (повествование, рассуждение, описание...), по композиции и, естественно, по стилю, понимаемому в духе Бахтина или Сорокина, — как результат отбора языковых средств, осуществленного в данном высказывании (тексте). Функциональные стили, как бы мы их ни квалифицировали (как языковые или как речевые), не суть естественные объекты, имеющие независимое эмпирическое существование, а конструкты, объем и содержание которых зависят от точки зрения исследователя. Но тогда, в пятидесятых годах, это осознавали немногие, а большинство безоговорочно приняло концепцию Виноградова.

Начиная со второй половины 50-х годов, стилистика становится модной дисциплиной. Множатся публикации по функциональным стилям, авторы которых пытаются продемонстрировать, как априорно сформулированные функции и свойства того или иного ФС (чаще всего научного) отражаются в употреблении чего угодно — союзов, причастных оборотов, сложных предложений, глагольных времен и т. д. и т. п. С некоторым запозданием вводятся курсы стилистики на филологических факультетах, пишутся учебники для вузов, в том числе по стилистике английского, немецкого, французского языков, причем наборы и характеристики функциональных стилей в них, как правило, повторяют те, что были сформулированы для русского языка. И так продолжается в течение по меньшей мере двух десятков лет.

8. Новый поворот

Между тем в 1963 г. концепция В. В. Виноградова существенно меняется, о чем свидетельствует его новая монография «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (Виноградов 1963). Основное внимание в этой книге уделяется теории поэтической речи; однако в части, посвященной собственно стилистике, появляются новые формулиров-

ки, коренным образом расходящиеся с теми, что фигурируют в статье 1955 г. Большие, традиционно выделяемые ФС вновь объявлены *стилями языка*: «Стилистика языка <...> изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка, характеризующихся комплексом типичных признаков. Эти стили обычно называются функциональными, например, разговорный, противопоставленный книжному вообще и отграниченный от других стилей языка коммуникативно-бытовой функцией, поэтому в этой сфере иногда выделяются обиходно-бытовой и обиходно-деловой стили; научно-деловой, специальный, определяющийся своеобразными свойствами и принадлежностями научно-коммуникативной функции; газетно- или журнально-публицистический, выделяющийся по характерным качествам и приметам агитационно-коммуникативной функции; официально-канцелярский или официально-документальный и некоторые другие (например, парадно-риторический, художественно-изобразительный)» (там же: 5).

При этом своя же более ранняя точка зрения вообще не упоминается и не приводится никаких соображений, которые побудили автора изменить позицию — провозглашается как бы истина, данная свыше. Казалось бы, стили речи, стили языка — так ли уж это важно, коль скоро речь идет все о тех же абстрактных, априорно постулируемых сущностях? Однако в новой версии учения есть кое-что действительно новое: «большим» стилям языка Виноградов противопоставляет *стили речи*, которые определяются на этот раз как «некие композиционные системы в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи» (там же: 14). А если судить по примерам, стили речи по этой новой версии — не что иное, как *речевые жанры* в духе Бахтина: юбилейное приветствие, передовая статья, научная рецензия и т. д.[2]

Итак, на авансцену выдвигаются речевые жанры («стили речи»), а стили языка интересны в первую очередь с точки зрения того, как они объединяются и сочетаются в пределах одного и того же «композиционного типа речи», т. е. речевого жанра (там же: 16). И тут-то в первый раз широкие массы стилистов не пошли за лидером; идея речевых жанров как первоочередного объекта исследования дошла до сознания лингвистов, интересующихся реальным функционированием языка в обществе, лишь тридцать лет спустя, в 90-х годах.

Почему?

Идею «больших» функциональных стилей столько раз повторяли, столько вбивали в головы студентам, она настолько укоренилась в сознании большинства, что и после публикации новой версии учения

---

[2] При этом В. В. Виноградов ссылается на проспект «Русский язык и советское общество», вышедший годом раньше (1962).

Виноградова люди продолжали цепляться за предыдущую, т. е. за определение 1955 года, подхваченное и переформулированное десятками, если не сотнями, эпигонов, но по сути не изменившееся.

Были, однако, надо полагать, и более веские и глубокие причины. В 50–70-х годах во всех сколько-нибудь значимых и институционализированных сферах общественной деятельности речевые практики были поразительно единообразны, имплицитно, а то и эксплицитно кодифицированы. Все, что отклонялось от стандарта, было подозрительно, «нетипично» и, следовательно, не заслуживало внимания. В 1985 г. П. Серио писал, что русский литературный язык — это нормы поведения определенной социальной группы, так называемых «носителей современного русского литературного языка» (Sériot 1985: 11). Но ведь функциональная стилистика и провозглашала себя стилистикой современного русского литературного языка, т. е. определенного т и п а д и с к у р с а — того, что, по выражению Пеше, «могло и должно быть сказано» (цит. по: Sériot 1985: 12). Функциональная стилистика была д и с к у р с о м о д и с к у р с е, метадискурсом, призванным оправдать и обосновать русский литературный язык как норму или, точнее, как совокупность норм лояльного языкового поведения, выдавая нормы этого дискурса за законы языка.

И здесь напрашивается аналогия, которая может показаться неожиданной, — аналогия между функциональной стилистикой и социалистическим реализмом. Как известно, последний должен был изображать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть. Аналогичным образом функциональная стилистика должна была представлять идеализированный образ языкового поведения лояльных советских граждан (ср.: Романенко, Санджи-Гаряева 2002: 66).

С несколько иной точки зрения сказанное выше можно сформулировать иначе. Функциональная стилистика — проявление столь типичного для советской эпохи н о м е н к л а т у р н о г о м ы ш л е н и я, согласно которому во всех сферах общественной деятельности все должно быть жестко регламентировано и представлено в виде высочайше утвержденных стабильных и непересекающихся списков — перечней министерств и ведомств, отраслей экономики и науки, специальностей, чинов и рангов, разрядов, родов искусства, языков, диалектов и т. д. и т. п. Недаром с самого начала первой задачей стилистики провозглашалось выделение стилей, у с т а н о в л е н и е с п и с к а. Таким образом, функциональная стилистика представляла собой попытку подвести теоретическую базу под эту установку в сфере речевой деятельности, выдать декретированное сверху за естественное, объективно существующее, единственно целесообразное.

Сознательной подтасовки с чьей бы то ни было стороны, видимо, не было: было наивное убеждение, что так и должно быть, что установленное по наитию непререкаемыми авторитетами и закрепленное

традицией отражает то, что есть на самом деле. Тем более, что отмеченное выше единообразие официально признанных речевых практик в советскую эпоху как будто подтверждало господствующий взгляд.

В свете всего сказанного должно быть ясно, почему в 90-х годах функциональная стилистика фактически прекратила свое существование. Во-первых, публичная речевая деятельность стала бесконечно разнообразнее — кому сегодня пришло бы в голову постулировать единый газетно-публицистический стиль? Во-вторых, окончательно ушла в прошлое изоляция отечественной лингвистики от западной науки. Но главное, может быть, в том, что люди внутренне раскрепостились, отрешились от номенклатурного мышления, научились (или, по крайней мере, учатся) подходить к проблемам непредвзято и пересматривать устаревшие догмы.

Литература

Адмони, Сильман 1954 — *Адмони В. Г., Сильман Т. И.* Отбор языковых средств и вопросы стиля // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 93–100.

Амосова 1951 — *Амосова Н. Н.* К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка // Вестник Ленингр. ун-та. 1951. № 5. С 32–44.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 250–296.

Виноградов 1946 — *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Известия АН. Отд-ние лит. и яз. М., 1946. Т. 5. Вып. 3. С. 223–238.

Виноградов 1952 — *Виноградов В. В.* [рецензия] Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952 // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 136–143.

Виноградов 1955а — *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

Виноградов 1955б — *Виноградов В. В.* О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) // Известия АН. Отд-ние лит. и яз. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 305–320.

Виноградов 1955в — *Виноградов В. В.* Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 3–34.

Виноградов 1963 — *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гальперин 1954 — *Гальперин И. Р.* Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 76–86.

Гвоздев 1952 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.

Два года движения 1952 — Два года движения советского языкознания по новому пути [редакционная статья] // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 3–18.

Ефимов 1953 — *Ефимов А. И.* Некоторые вопросы развития русского литературного языка XIX — начала XX в. // Вопросы языкознания. 1953. № 4. С. 22–42.

Задачи советского языкознания 1952 — Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» [редакционная статья] // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 3–40.

Левин 1952 — *Левин В. Д.* Вопросы языка художественных произведений // Открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное второй годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания 18–21 июня 1952 г.: Тез. докл. М.: АН СССР, 1952. С. 49–56.

Левин 1954 — *Левин В. Д.* О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 74–83.

Мурат 1990 — *Мурат В. П.* Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 567–568.

Пиотровский 1954 — *Пиотровский Р. Г.* О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 55–68.

Ризель 1952 — *Ризель Э. Г.* Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // Иностранные языки в школе. 1952. № 2. С. 12–21.

Романенко, Санджи-Гаряева 2002 — *Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С.* Общефилологические основания советской жанровой системы // Жанры речи. Вып. 3 / Редколлегия: Е. В. Гольдин (отв. ред.) и др. Саратов: Изд-во гос. учебно-научного центра «Колледж», 2002. С. 62–74.

Русский язык 1962 — Русский язык и советское общество: Проспект (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературного языка народов СССР в советскую эпоху) / Отв. ред. акад. АН Казахской ССР С. Р. Кенесбаев. АН СССР, Институт русского языка. Алма-Ата. Изд-во АН Казахской ССР, 1962.

Сорокин 1953 — *Сорокин Ю. С.* Об основных понятиях стилистики // Открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания 19–23 июня 1953 г.: Тез. докл. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–16.

Сорокин 1954 — *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.

Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.

Sériot 1985 — *Sériot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985.

Teze 1929/1970 — Teze předložené k prvému sjezdu slovanských filologů v Praze 1929 // U základu Pražské jazykovědné školy: Prameny české a slovenské lingvistyky. Řada česká — svazek 1 / Věd. red. akad. B. Havránek; K vydání připravil prof. dr. J. Vachek, DrSc. Praha: Academia, 1970. S. 35–65.